

Н. М. ЛЕВИНА

ДВА НЕОПУБЛИКОВАННЫХ ПИСЬМА Е. И. КОСТРОВА

Творчество Ермила Ивановича Кострова, которого высоко ценили современники и ближайшие поколения русских читателей, ныне совершенно забыто.

Современники Кострова видели в нем не только выдающегося переводчика, но и крупного оригинального поэта. Его стихи и переводы издавал Н. И. Новиков, печатал в своих журналах Ф. И. Туманский; в «Зеркале света» и «Российском магазине» Туманского появились первые рецензии на костровские переводы «Илиады» и Оссиана. Произведения Кострова, помимо отдельных изданий, публиковались в «Московских ведомостях», в лучших журналах конца XVIII века («Собеседнике любителей российского слова», «Аонидах» Карамзина и др.). В 1802 году (через шесть лет после смерти Кострова) в Петербурге вышло «Полное собрание всех сочинений и переводов в стихах г. Кострова», в двух частях.

Для юного Пушкина имя Кострова стояло в одном ряду с именами Руссо и Камюэнса:

Поэтов — хвалят все, питают — лишь журналы;
Катится мимо их фортуны колесо;
Родился наг и наг ступает в гроб Руссо;
Камюэнс с нищими постелю разделяет;
Костров на чердаке безвестно умирает,
Руками чуждыми могиле предан он:
Их жизнь — ряд горестей, гремяща слава — сон.¹

Рассказывая в «Исторических анекдотах» о том, как Херасков уважал Кострова и предпочитал его талант своему собственному, Пушкин замечает: «Это приносит большую честь и его сердцу и его вкусу».² О роли Кострова в развитии русского литературного языка Пушкин писал уже в 1836 году в статье «Александр Радищев»: «... Радищев писал лучше стихами, нежели прозою. В ней не имел он образца, а Ломоносов, Херасков, Державин и Костров успели уже обработать наш стихотворный язык».³

¹ А. С. Пушкин. К другу стихотворцу, 1814. Полн. собр. соч., т. I, Изд. АН СССР, М.-Л., 1949, стр. 24.

² Там же, т. VIII, стр. 102.

³ Там же, т. VII, стр. 359.

В. Г. Белинский с уважением называл имя Кострова среди «тружеников, которые своими сочинениями, каковы бы они ни были, размножали в обществе число грамотных людей, возбуждали в нем любовь к благородным наслаждениям и способствовали к произведению того, что называется „публикою“ и без чего невозможна никакая литература».⁴ В связи с этим Белинский высказывал пожелание среди компактных дешевых изданий «старинных русских писателей, игравших в глазах современников более или менее важную роль»,⁵ видеть также и сочинения Кострова. Под влиянием статьи Белинского было осуществлено смирдинское издание сочинений Кострова 1849 года. Это собрание сочинений Кострова, как и издание 1802 года, неполное. В оба собрания не включены, кроме прозаических переводов, некоторые стихотворные переводы и оригинальные произведения, опубликованные при жизни Кострова. Издание сочинений Кострова В. Г. Белинский считал полезным для «литераторов, которым необходимо знать основательно историю отечественной литературы и родного языка».⁶

Однако Костров был забыт. Статьи и заметки о нем в дореволюционных журналах не содержат ни одного достоверного высказывания самого поэта и только повторяют анекдоты, связанные с его именем. В середине XIX века о Кострове судили уже лишь по дошедшим напечатанным произведениям. Один из первых писателей-разночинцев, живший исключительно литературным трудом и в последние годы жизни не имевший даже своего угла, Костров не мог оставить архива. Дошедшие до нас письма Кострова известны наперечет.

В 1856 году Г. П. Данилевский в «Журнале Министерства народного просвещения» опубликовал сохранившиеся у потомков И. О. Куриса, правителя канцелярии А. В. Суворова, «Суворовские бумаги».⁷ Среди них находилось письмо Е. И. Кострова к А. В. Суворову от 30 сентября 1792 года. В 1874 году текст этого письма как ненапечатанного «сообщил» в «Русский архив» Н. Н. Мурузакевич.⁸

П. О. Морозов в предисловии к своей монографии о Кострове утверждал, что «ни в имп. Публичной библиотеке, ни в московских книгохранилищах (по уверению лиц, которым они хорошо известны) нет ни строки из бумаг Кострова, нет даже ни одного его автографа».⁹

В 1880 году в третьем томе «Русского архива» А. Н. Корсаков поместил обнаруженные им случайно бумаги Платона Петровича Бекетова. Одна из них — «Цидулка от Ермила Кострова к Иоанну Бекетову».¹⁰ Документ не датирован, А. Н. Корсаков его не комментирует, и мы не знаем, чьей рукой написана «цидулка» — перед *post scriptum* стоят слова: «Писал по повелению его я, ваш покорный слуга», подписи нет. По содержанию этого письма и тому обстоятельству, что оно адресовано к И. П. Бекетову (см. ниже), проживавшему в Москве, можно предположить, что оно было написано в Петербурге. Где находится «цидулка» в настоящее время — не известно.

⁴ В. Г. Белинский, Полн. собр. соч., т. VI, Изд. АН СССР, М., 1955, стр. 301.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ ЖМНП, 1856, XCII, октябрь, отд. VII, стр. 30—50.

⁸ «Русский архив», 1874, т. II, стр. 4—6.

⁹ П. О. Морозов, Е. И. Костров, его жизнь и литературная деятельность. Воронеж, 1876, стр. 3.

¹⁰ «Русский архив», 1880, т. III, стр. 402.

При подобной скудости рукописных материалов Кострова особый интерес представляют предлагаемые ниже два письма поэта.

Письмо, хранящееся в Рукописном отделе Пушкинского Дома (шифр ИРЛИ: ф. 357, оп. 2, № 116), куда оно поступило из Библиотеки АН СССР в составе собрания В. И. Яковлева, обращено к «Ивану Петровичу» <Бекетову>, как и «цидулка», найденная А. Н. Корсаковым. Это подтверждается припиской И. И. Дмитриева: «При сем и я вам, любезный братец, свидетельствую мое почтение, с которым на всегда пребуду покорным вашим слугою и братом Иван Дмитриев». Иван Петрович Бекетов (1766—1835) — двоюродный брат И. И. Дмитриева, дальний родственник Н. М. Карамзина, вместе с которым он учился в пансионе Шадена.¹¹ М. А. Дмитриев в «Мелочах из запаса моей памяти» рассказывает: «Костров хаживал к Ив. Петр. Бекетову, двоюродному брату моего дяди... С Бекетовым вместе жил брат его Платон Петрович; у них бывали: мой дядя Ив. Ив. Дмитриев, двоюродный их брат Аполлон Николаевич Бекетов и младший брат Н. М. Карамзина Александр Михайлович...».¹²

В письме Кострова даты нет. Оно могло быть написано только после 1782 года, так как в стихах Костров говорит о памятнике Петру I Фальконэ. Бумага с водяным знаком: герб, верхняя часть которого срезана, подпись JAN KOOL.

На одной стороне листа — шуточные стихи Кострова:

Милостивый Государь Иван Петрович!

Без тебя у нас мой свет
все не так идет:
Лизонька твоя¹³ сурова,
Не промолвила ни слова,
У Лионьши¹⁴ сливок нет
Кофе в рот без них нейдет.
Нам остался лишь Матье¹⁵
Будем там иметь питье.

Ваш покорный слуга Ермил Костров.

Не погневайся пожалуй. Стихи самые великопостные и чистопонедельнишные.

Далее следует приписка И. И. Дмитриева, цитированная выше.

На обороте — стихи Кострова о Петербурге (без заглавия), не вошедшие в собрания сочинений и, по-видимому, не напечатанные, так как в библиографических указателях сведений о них нет.

¹¹ Об И. П. Бекетове см.: кн. А. Б. Лобанов-Ростовский. Русская родословная книга, т. 1. Изд. 2-е, СПб., 1895, стр. 41 (здесь дата смерти указана с опечаткой); Московский некрополь, т. I, СПб., 1907, стр. 94.

¹² М. А. Дмитриев. Мелочи из запаса моей памяти. М., 1869, стр. 26.

¹³ Очевидно, имя знакомой Бекетова. По указанию А. Б. Лобанова-Ростовского (см. прим. 11), И. П. Бекетов умер холостым.

¹⁴ Лионьша — содержательница кафе в Москве.

¹⁵ Матье — владелец старинного ресторана в Москве.

В 1786 и 1787 годах произведения Кострова печатались только в Петербурге, а биографы поэта утверждают, что он никогда не был там. Это мнение опровергает «Цидулка к Иоанну Бекетову». М. И. Пыляев в книге «Старый Петербург», рассказывая о петербургском доме И. И. Шувалова, в числе его постоянных гостей называет Е. И. Кострова.¹⁶ Вероятно, это отклик, не вполне достоверный, на кратковременное пребывание Кострова в Петербурге. В эклоге Кострова «Три грации, на рождение великия княжны Александры Павловны» 1783 года Петр I изображен так: «Превознесен на каменной твердыне, / Седящий на коне, простерший длань к пучине». Здесь чувствуется какое-то абстрактное, книжное восприятие создания Фальконэ. Стихотворение по автографу Пушкинского Дома, посвященное памятнику Петра I, гораздо ярче, оно могло быть написано скорее всего под непосредственным впечатлением:

Целую я тебя, о вожденный град,
 Жилище чистых муз, собрание отрад!
 Петрополь! буди мне благословен навеки,
 И да текут твои спокойно чисты реки,
 И здания твои взнесенны к высоте
 Пребудут на всегда в блестящей красоте.
 Не мог помыслить я, чтоб смертного трудами
 Ты был сооружен, о чудо меж градами!
 Кто сей, я вопрошал, великий человек,
 Который столь тебя величеством облек?
 Но образ зря Петров, в меди изображенный,
 Величествен, высок и славой осененный
 И простирающий свою державну длань
 Да воины текут бестрепегно на брань,
 Под коим гордый конь как будто жив крутится
 И на высокий холм бессмертия стремится,
 Познал я, что его всемошная рука
 Толико в крепости и в бранех высока
 Воздвигнула тебя, да видит вся вселенна,
 Колико в нем душа была неутомленна.

Следует отметить, что приведенное стихотворение написано другим почерком, нежели стихи Кострова «Без тебя у нас мой свет», а также, что подпись Кострова под обоими стихотворениями не одинакова. Поэтому нет полной уверенности, что оно принадлежит Кострову, а не кому-либо из других писателей его времени. Обследование журналов XVIII века и собраний сочинений поэтов тех лет не дало результатов: данного стихотворения там не оказалось. Удивляет, что это прекрасное стихотворение о Петербурге не было напечатано при жизни Кострова, а затем не было включено в «Полное собрание сочинений» 1802 года. Если оно действительно принадлежит Кострову, приходится предположить, что он не печатал ряда своих вполне законченных стихотворений.

¹⁶ М. И. Пыляев. Старый Петербург. Рассказы из былой жизни столицы. СПб., 1887, стр. 162.

Представляет интерес и второе письмо — А. А. Майкову¹⁷ от 11 декабря 1785 года, сохранившееся в архиве Майковых и в настоящее время находящееся в Отделе рукописей ГПБ (шифр: Отчет ГПБ, 1903, стр. 29, II, а, 1). Вот оно:

Любезный Аполлон Александрович! Я имел честь послать к тебе письмо с Алексеем Дмитриевичем Збоевым; который был некогда моим товарищем в университете; теперь посылаю другое... о чем бы с тобой поговорить? о том, что у нас старой желтой флигель ломают, теснота в университете чрезвычайная, для сей причины я живу в доме Харитона Андреевича Чеботарева,¹⁸ профессора университетского, который мне и благодетель и друг вместе... Хочется тебе переманить меня к себе? Хорошо бы; но благодетели мои и люди благоразумные нежелают этого: и подлинно, разсуди, Аполлонушко, оставить место и ехать искать другое. Стыдно мне будет, ежели я, проездив рублей сто, возвращуся в Москву опять. Лучше, чтоб меня искали, а не я. По крайней мере должен я переписаться с его превосходительством Иваном Ивановичем Шуваловым, дозволит ли он мне сие путешествие и обнадежит ли верным местом, иначе я его привлеку противу себя на гнев, когда оставлю без его дозволения такое место,¹⁹ где он главным начальником. Не правда ли? Естлибы я был богат, то непременно бы побывать к вам в гости хотя на месяц. Но... Мне весьма хочется увидеть тебя и Федора Ильича Козлятева,²⁰ которому и прошу засви-

¹⁷ А. А. Майков (1761—1838), в конце XVIII века незначительный поэт-дилетант, с 1802 года служил в театральной дирекции в Петербурге, с 1821 по 1825 год был директором императорских театров, напечатал несколько од и комедию («Неудачный зговор, или помолвил, да не женился», 1794).

¹⁸ Х. А. Чеботарев (1746—1815), впоследствии (с 1805 года) ставший ректором Московского университета, к 1785 году был уже автором ряда работ («Слово о изобретении искусства письма», 1776; «Географическое методическое описание Российской империи», 1776; «О способах и путях, ведущих к просвещению», 1779, и др.). Демократическое происхождение сближало Чеботарева с Костровым — Чеботарев родился в Вологде, в семье бедного сержанта. После окончания Московского университета он остался там же преподавателем русской словесности и перевода с латинского, французского и немецкого языков, затем издавал «Московские ведомости», а с 1778 года стал ординарным профессором и секретарем университетской конференции (до 1783 года). Х. А. Чеботарев был вторым великим надзирателем Московской масонской ложи, он был связан с кругом Н. И. Новикова.

¹⁹ Костров имеет в виду свою должность официального университетского поэта.

²⁰ И. И. Дмитриев о своем знакомстве с Ф. И. Козлятевым вспоминает так: «... это было эпохою, с которой я начал выбираться на прямой путь словесности» (И. И. Дмитриев, Сочинения, т. 2, СПб., 1893,

детельствовать мое искреннейшее почтение и поклон, и поздравить с наступающим новым годом. О как я восхищен был его письмом, которым он изъяснял свое удовольствие в разсуждении благодарственной моей песни.²¹ Посылаю к вам оду... которую поправил. Послушай дружеского совета, не печатай ее,²² а читай только своим приятелям, яко первый и незрелый плод своих упражнений, и я тебе искренно говорю, не сочиняй еще так рано од, а что-нибудь полегче. Должно тебе читать еще много книг всякого рода. Знать, хотя несколько философию, и самое богословие. Словом знать должно много... Клянйся братцу своему Михайле Александровичу; я удивляюсь, что он в вашем письме не начеркнет мне ни строчки, ни полклона. Карабанову²³ от меня благословение. Я его помню и люблю; а особливо помню когда бываю в <.....> Прости, любезный мой, и знай что всегда к вам с искренним почтением и дружбою пребуду верным

Ермил Костров.

Декабря 11. 1785. Москва.

На втором листе — исправленная ода и приписка:

Вот тебе, Аполлонушко и ода. Узнаешь ли ее в обнове. Она в Московском приехала к тебе платье. Не так правда щеголевата, как ваши Санктпетербургские, ну, да что же делать. Прости.

Я довольно часто бываю в вашем доме, и имею счастье пользоваться ласкою и приязнию всех.

P. S. ваше письмо родителями вашими получено 10. декабря, и я к ним поутру пришел 11. с письмом, при котором и ода. Скажи, пожалуй, кто вам соврал, что я умер, или улыбнулся. Я жив и торжествую. Напиши ко мне о сем когда при случае.

Надо полагать, что публикуемыми двумя письмами не исчерпывается эпистолярное наследие Кострова. Следует произвести исследование других архивов СССР, чтобы выяснить, имеются ли в них какие-либо материалы Кострова или о нем

стр. 30). «Одна беседа с Козлятевым уже была для меня училищем изящного и вкуса» (Там же, стр. 31). Во «Взгляде на мою жизнь» И. И. Дмитриев приводит восторженные отзывы Карамзина и Жуковского о Козлятеве.

²¹ Речь идет о «Благодарственной песне ее имп. вел. за оказанные Москве щедроты в бытность в сей столице, читанной в публичном собрании Университета, в день восшествия ее имп. в. на престол, 28 июня 1785 года».

²² Очевидно, А. А. Майков последовал совету Кострова: первая его ода (по словарю Геннади) напечатана в 1791 году.

²³ Поэт П. И. Карабанов.